

В. Г. Белинский

Менцель, критик Гёте

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I
Статьи и рецензии. 1834-1841
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
[OCR Бычков М.Н.](#)

Главный недостаток критики Менцеля, как мне кажется, состоит в подчинении поэзии и вообще словесности политике или даже понятиям и духу политической партии. Менцель депутат оппозиционной стороны. Этим объясняются его строгие приговоры Иоанну Мюллеру, Гегелю, Гёте и др.; от этого же происходит оппозиционный дух его книги, и пр.

В. К., переводчик книги Менцеля.

Менцель есть собственное имя одного человека, сделавшееся нарицательным, каковы, например, имена Ира, Фирсиса, Креза, Зоила и т. п. Это обстоятельство придает большую и важную значительность Менделю, как представителю целого разряда людей, которые были и до него, есть еще и теперь и, к сожалению, будут всегда. Так, например, какое-нибудь пошлое, ничтожное, пустое лицо делается многозначительным и реальным в художественном произведении, как выражающее собою целую сторону действительной жизни, представляющее своею индивидуальностью целый разряд, целую толпу индивидуумов одной и той же идеи. Это подало нам повод поговорить о Менделе, как о представителе критиков известного рода, не обращая внимания на частности и подробности, относящиеся к его лицу или исключительно к немецкой литературе. Года с полтора назад тому сочинение Менцеля о немецкой литературе явилось в прекрасном русском переводе, с выпуском всего, собственно не относящегося к литературе²⁵⁴. Так как, говоря о Менделе, мы хотим говорить о критике, имея в виду собственно русскую публику, то и возьмем этот перевод за факт, за данную для суждения, чтобы каждый из наших читателей сам мог быть судьей в этом деле. Во всяком случае предлагаемая статья отнюдь не есть разбор книги Менцеля, но скорее рассуждение или трактат об отношениях критики вообще к искусству по поводу известного рода критического направления, которого представитель Мендель.

Слава - вещь обольстительная, и к ней один путь. Но многие смешивают *славу* с *известностью*, и с этой точки зрения пути к ней умножаются до бесконечности. По-настоящему слава есть видовое понятие известности, а известность относится к славе, как род к виду. Гомер известен человечеству своим творческим гением, Зоил - ограниченностью и низостью своего духа в деле творчества, Крез - богатством, Ир - бедностью, Парис - красотой, Фирсис - безобразием. Можно сделаться известным всему свету - умом и глупостью, благородством и подлостью, храбростью и трусостью. Чтоб обессмертить себя в потомстве, великий художник, на диво миру, создал в Эфесе великолепный храм "златолунной" Артемиде; чтоб обессмертить себя в потомстве, Герострат сжег его. И оба достигли своей цели: имена обоих бессмертны, но с тою только разницею, что одно и *известно* и *славно*, а другое только *известно*. Слава есть патент на величие, выдаваемый целым человечеством одному человеку, великим подвигом доказавшему свое величие; *известность* есть внесение имени в полицейский реестр, в котором записываются вседневные события, выходящие из порядка обыкновенности и ежедневности. *Слава* всегда есть награда и счастье; *известность* часто бывает наказанием и бедствием.

К числу известных людей, претендующих на славу, принадлежит немец Мендель. Имя его известно в Германии, Англии, Франции, России, и еще недавно почитался он главою партии, одним из представителей Германии, имел последователей, хвалителей, даже врагов, без которых слава - не слава и известность - не известность. Конечно, теперь этот славный господин Менцель не больше, как жалкий представитель устаревших Мнений, который на их развалинах с ожесточенною дерзостью отстаивает свое эфемерное и мишурное величие, символ эстетического безвкусица, человек, имя которого - литературное